

ПУБЛИЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ: МЕЖДУ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИЕЙ И ИДЕОЛОГИЯМИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ

В.Н. ШЕВЧЕНКО

В ходе серии обсуждений темы «Философия в публичном пространстве», состоявшихся в последнее время в Институте философии РАН¹, в центре внимания неизменно оказывались вопросы политического характера. Это конечно не случайно и требует пристального рассмотрения. Почему, когда говорят, что академическая (профессиональная) философия плохо представлена в публичном пространстве российского общества, с чем в основном все участники дискуссий были согласны, то, прежде всего, имеется в виду политическая тематика, жизненно значимая для самых различных слоев российского общества? Как в реальной ситуации академическая философия может более активно и целенаправленно включаться в публичную жизнь? А, с другой стороны, кому нужна сегодня академическая философия, кто к ней проявляет интерес, чего в ней ищет публика и почему академическая философия не имеет возможностей удовлетворить запросы тех, кто хотел бы получить от нее глубокие и исчерпывающие ответы на все, как они полагают, острые и болезненные вопросы современности?

Старое и новое в интересе публики к социальным наукам и философии

Публичный интерес к философии проявляется по-разному. Одно из таких проявлений — прагматистско-вопросительное. Общество вправе знать, зачем нужна академическая (профессиональная) философия, почему на нее нужно тратить деньги налогоплательщика. В целом публика всегда испытывала и испытывает постоянное любопытство и интерес к тому, о чем пишут и спорят философы. В недавнем прошлом он в значительной степени удовлетворялся публичными лекциями известных философов, изданием многочисленных популярных книг и брошюр. Высоко ценились и ценятся те авторы, которые умеют рассказывать о профессиональных занятиях философов доступно и интересно.

В последнее время в ответ на критику со стороны общества философия заметно расширила формы своей активности в обществе. Философы стали искать и находить новые публичные площадки для открытых дискуссий, устраивать пиар-акции, выступать в больших аудиториях и отвечать на вопросы со стороны не всегда доброжелательной публики.

Общество, кажется, привыкло к сугубо прагматистскому использованию понятия философии. Постмодернистская культура особенно

преуспела в создании целого ряда микрофилософий. Появились философии обуви, автомобиля, шопинга, еды и многого другого. Дорогая обувь ручной работы от Маноло Бланик, как свидетельствует реклама, есть философия высокого стиля. В последнее время практически к любой профессии, тем более к повседневным социальным практикам, дизайнеры способны придумать красивую философскую виньетку. Мода на философию стала приметой времени. Но самая главная особенность последних десятилетий состоит в том, что претерпевают фундаментальные изменения взаимоотношения между публичной сферой жизни и социально-гуманитарными науками, в том числе и философией.

Новые формы общественной, публичной активности социальных наук: публичная социология, публичная история и публичная политология

В своем выступлении при обсуждении проблем философии в публичном пространстве В.М. Межуев говорил о резком возрастании интереса публики к гуманитарному знанию и в качестве примера привел такое новое явление в общественной мысли как публичная социология. Интересно, что помимо публичной социологии в последние десятилетия появились публичная история, публичная медицина, целый ряд других «публичных» дисциплин, не говоря уже про публичную политику, с появления которой, кажется, и начался этот процесс.

В чем же смысл публичной социологии? Ответ на этот вопрос весьма поучителен для решения поставленной в статье проблемы. Профессор Калифорнийского университета М. Буравой в своей, ставшей широко известной, статье «За публичную социологию», высказался за разделение социологического знания на четыре типа: на академическую, критическую, публичную и прикладную социологию². В самом общем смысле публичная социология появляется, когда социология вступает в диалог с группами общественности.

Традиционная публичная социология существует давно. Например, когда социологи высказывают свое мнение на страницах влиятельных газет и журналов, комментируют вопросы общественной значимости. Многие работы социологов на актуальные темы вызывают оживленные дискуссии: о характере общества, его болезнях и тенденциях, о разрыве между обещаниями и реальностью. Что касается прикладной социологии, то она служит достижению цели, обозначенной клиентом или заказчиком. Смысл прикладной социологии заключается в решении поставленной перед социологами конкретной задачи или легитимации, в оправдании в глазах общества уже принятых решений. Современная публичная социология, как пишет автор, носит органический характер. Публичная социология взаимодействует с

конкретными организациями рабочего движения, правозащитными организациями, религиозными группами, соседскими или другими местными объединениями с целью вывести их деятельность из замкнутой на себя сферы в публичное пространство, сделать их идеи и деятельность видимой. Нужно научиться и быть готовыми взаимодействовать с ними через открытый диалог, свободное и равное участие, когда нет единой нормативной системы ценностей. Другими словами, вести диалог в рамках социологически поставленной проблемы и при помощи социологии. Более того, социолог может создавать активно действующие группы общественности, направленные на решение той или иной социальной проблемы. Так что «коммуникативное действие» Ю. Хабермаса, подчеркивает М. Буравой, не есть нечто задаваемое обществом изначально. Его порой очень сложно организовать и поддерживать. В этих рассуждениях можно усмотреть прямую связь между растущим многообразием деятельности институтов гражданского общества и развитием публичной социологии.

Профессиональная социология не является врагом публичной или прикладной социологии, а *sine qua non* — неперенным условием их существования, она выступает в качестве источника легитимности и экспертизы для публичной и прикладной социологии. М. Буравой пишет, что один из главных вопросов, который ставит критическая социология, звучит следующим образом: «Социология для чего?» Действительно ли нам нужно заботиться о конечных целях общества, или только о способах достижения уже поставленных целей? Это именно то отличие, которое подчеркивает дискуссия Макса Вебера о технической и ценностной рациональности³.

Один тип знания М. Буравой называет *инструментальным знанием*, будь то решение задач в профессиональной социологии или в прикладных социологических исследованиях. Другой тип — *рефлексивное знание*, оно связано с диалогом о конечных целях, будь то диалог внутри академического сообщества об основах его исследовательских программ или между академическим сообществом и различными общественными и политическими группами о направлении, в котором движется общество. Рефлексивное знание задает вопросы о ценностных ориентирах общества и нашей профессии. Публичная социология является именно таким знанием.

Важно отметить, что в дискуссии отечественных социологов по поводу позиции М. Буравого идея четкого отделения публичной социологии от прикладной не получила должного внимания и дальнейшего развития⁴. Граница между ними остается размытой и не отрефлексированной.

Несколько иная ситуация сложилась вокруг публичной истории. Понимание целей и задач публичной истории трактуется в ином ключе. Обращает на себя внимание программная статья «Прикладная

история или публичное измерение прошлого», опубликованная *недавно* группой немецких ученых. Публичная история – сравнительно новая отрасль знания, которая посвящена «бытованию истории в публичной сфере, как с практической, так и с теоретической точки зрения» и занята переводом исторического знания с академического языка на язык публичных репрезентаций. Другими словами, публичная история – это курс истории для неспециалистов, которым нужны сведения для выполнения коммерческих или просветительских программ, например, для оформления выставок, музеев и т.д. Публичная история появилась в начале XX в. в Германии и во второй половине XX в. получила широкое распространение во всем мире. К примеру, созданное в Университете Гейдельберга в 2010 г. направление Public History занимается выпуском историков, которые хотели бы работать во внеуниверситетской сфере, например, в издательском деле, СМИ и музеях. В России в некоторых учебных заведениях также созданы учебные курсы по public history. Проблема четкого разграничения публичной истории и прикладной истории становится все более значимой, и она решается немецкими авторами следующим образом: «Хотя *public history* и прикладная история, без сомнения, пересекаются как в своей ориентированности на практику, так и в исследовательском интересе, плодотворной может оказаться попытка разграничить их... В отличие от *public history*, которая в основном занимается изложением исторических тем в публичной сфере, в случае прикладной истории следует обратить внимание на субъекты и возможности их сотрудничества»⁵. Прикладная история, по мнению авторов, выступает как диалог между обществом и академической наукой, как точка пересечения между ними. *Речь идет о специфическом субъектноцентричном подходе к историческому знанию.*

В этом случае получается так, что именно прикладная, а не публичная история должна осуществлять функцию связи между общественным интересом к прошлому, академическим воспроизводством исторического знания и политически мотивированным созиданием коллективной истории. Авторы считают, что существует необходимость вовлекать в процесс формирования исторического знания самые разные общественные группы с их собственными интересами, компетенциями и перспективами. Более того, и, пожалуй, это самое главное в их позиции, «через работу различных субъектов непрерывно формируется, политизируется, коммерциализируется и медиализируется история»⁶. Это означает, что академическая наука должна в большей степени ориентироваться на настоящие потребности общества и приобщать к истории активных субъектов гражданского общества. Новизна ситуации несомненна, и она в некоторой степени опасна для академической науки. «В этом случае ученые не должны в качестве экспертов возвышаться над историями других. Следовательно, они

должны не рассказывать, “как было на самом деле” (Леопольд фон Ранке), а скорее предлагать научную экспертизу, делать ее применимой для неспециалистов»⁷.

Другими словами, конкретные практики, как политические, так и коммерческие, не только формируют задачи, которые подлежат решению в рамках академической науки, но и выражают свое нежелание находиться под академической наукой.

Интересная ситуация сложилась в сфере политического знания. Общепринято разделение на фундаментальную, *теоретическую* и прикладную политологию, но обращает на себя внимание отсутствие выделения на этом фоне публичной политологии как специфического типа знания, хотя в общественной и политической жизни, несомненно, можно найти то, что можно было бы отнести к сфере *проявления* публичной политологии.

Теоретическая политология изучает политическую сферу жизни общества во всем ее многообразии, создает целостную систему знания, которое дает описание, объяснение и понимание процессов политического развития, разрабатывает с этой целью понятийный аппарат, методологию и методы политологического исследования. Что касается прикладной политологии, то она прежде всего занята поиском решений конкретных вопросов, встающих перед отдельными субъектами политических процессов в определенных временных рамках. Прикладная политология анализирует конкретные политические процессы и события, формулирует свои предложения и рекомендации тем или иным субъектам для принятия ими политических решений. Другими словами, прикладная политология всегда проблемно ориентирована на заказчика в широком смысле этого слова, и в ней можно выявить конкретные формы деятельности, похожие на формы публичной политологии. Известно, что в России развитие и укрепление государства и власти далеко не всегда сопровождалось расширением публичного пространства политики. *Вместо проведения широкой публичной политики власть в России постоянно стремится к тому, чтобы представлять наиболее важные вопросы общественной жизни не как политические, а как вопросы государственно-административного характера.* Это имело место в имперские и советские времена, сегодня наблюдается тот же самый тренд. Например, Госдума сегодня успешно выступает в роли приводного ремня президентско-правительственной вертикали власти. Постоянное стремление власти превратить публичную политику в ментальный и информационный инструмент действующей власти, дополнив ее дозированным участием системных оппозиционных политиков, т.е. политиков, допущенных играть роль оппозиции, выглядит для нее заманчиво простым делом. *Элементы* публичной политики становятся надежным прикрытием для непрозрачности самой власти. С одной стороны, власть постоянно формирует наиболее

резонансные и выигрышные для нее дела, в то время как многие ее действия намеренно ведут к вытеснению из общественного сознания тех решений, которые непопулярны или оказались провальными. Как правило, это ей удается. Но в целом такое поведение позволяет власти доказывать, что она умеет решать конкретные дела лучше своих политических соперников. На посту мэра Москвы должен быть крепкий хозяйственник — в этом видела смысл недавно состоявшихся выборов мэра федеральная власть. Недаром победивший на выборах кандидат был самовыдвиженцем, который делал упор на свои способности и умение решать хозяйственные проблемы, стоящие перед Москвой. И никакой «высокой» политики.

Несмотря на стремление власти минимизировать политическую жизнь, в обществе постоянно происходит сложное политическое брожение, возникают и распадаются разные политические и политизированные движения вплоть до тех, которые выступают за смену власти и, более того, за свержение власти. Парламентская оппозиция довольствуется навязанными ей жесткими рамками публичного выражения своей позиции. Несистемная оппозиция, как и положено, пребывает на задворках политического процесса. Такая ситуация отнюдь не способствует отделению публичной политологии от прикладной. Рассмотрим подробнее теоретическую сторону вопроса о публичной политологии.

Несколько слов о работе У. Липмана «Публичная философия»

Вопреки очевидной потребности в публичной политологии, оказалось, что ее роль с успехом может выполнять (и реально выполняет) публичная философия. В этой связи интерес вызывает работа американского политического и морального мыслителя У. Липмана «Публичная философия», написанная им полвека назад в середине 50-х гг. XX столетия. Что он имеет в виду под публичной философией, и какими функциями он ее наделяет? У. Липман называет *публичной философией* социальное явление, получившее широкое распространение в западных странах в последние столетия. Публичная философия является базой и оплотом политических институтов западного общества, и ее существование не вызывает у У. Липмана никаких сомнений. Европейские просветители XVII — XVIII вв. были сторонниками определенной публичной философии — учения о естественном законе, согласно которому «есть некий закон, и он выше властителя и суверенного народа... выше всего сообщества смертных»⁸. Человеческий разум способен произвести на свет универсально значимое знание, единое для всех понятие закона и порядка (*cosmos*). Исходя из этих представлений, философы Просвещения XVIII в. обосновали свою государственно-властную конструкцию. Публичная философия включает в себя конкретный набор ценностей, безусловно опреде-

ляющих суть западной цивилизации, начиная с римской империи. И эти ценности, пишет У. Липман, «не работают в сообществах, которые не придерживаются этой философии»⁹.

У. Липман разделяет сложившееся в европейском сознании представление о том, что публика есть важнейшая категория либерально-демократического западного государства. Публичная жизнь граждан — это открытое и свободное взаимодействие между гражданами и взаимное признание ими важности диалога. Публичные обсуждения, ведущие к достижению результата, тогда обретают смысл, когда имеется некоторое объединяющее и правоустанавливающее начало для всех граждан. Такое начало было формой организации публичной жизни в античном полисе. По мнению Х. Арендт, идеальным публичным пространством является античная греческая агора или римский форум, другими словами, городская площадь, где собираются свободные граждане полиса и где они обсуждают проблемы жизни города, ведут философские дискуссии, ищут согласия. Между прочим, жителей полиса посвящали в граждан на торжественной публичной церемонии. Публичные дискуссии становятся нормой и имеют позитивные результаты только в рамках принятой системы ценностей, т.е. при наличии объединяющего начала. У. Липман полагает, что граждане перестают заниматься политикой и уходят в приватную жизнь, когда объединительное начало подвергается эрозии, ставится ими под сомнение. Он всерьез озабочен падением публичного интереса к политике. Раньше все охотно занимались политикой в Америке, а теперь нет. Но это американский и к тому же довольно односторонний взгляд на то, что происходило тогда в самой Америке. В 20-е и последующие годы прошлого столетия в Европе все складывалось по-иному, ее сотрясали социальные конфликты и революции, все виды тогдашней классовой борьбы. О наличии объединяющего идеологического начала здесь не приходится говорить.

В этом контексте У. Липман как раз и пишет о разрушительной деятельности революционеров. Контрреволюционные движения враждебны государству и как таковые подлежат уничтожению. Сдерживать их или ставить вне закона — это вопрос целесообразности практического разума.

У. Липман отмечает, что нужно восстановить это объединяющее начало, те принципы, на которых строится западная цивилизация. Политический дискурс в западном обществе имеет место и обретает смысл, когда есть общее основание, выражающее специфику западной цивилизации, когда есть консенсус по вопросам устройства государства. Право пользоваться этими институтами принадлежит тем, кто согласен с необходимостью их существования. Тогда можно обсуждать вопросы политической культуры, приветствовать умеренность и осуждать крайности.

Таким образом, основной смысл публичной философии по У. Липману состоит в том, что она играет роль идеологии, которая рассчитана в первую очередь на публику как на активных граждан. Идеология довольно жестко определяет границы существования и практической реализации либерально-демократических свобод. Если эти идеологические рамки признаются активной частью граждан, то возникает публичная политическая жизнь в том смысле, что появляются разного рода политические объединения и движения. С точки зрения этой идеологии становится излишним всякое сомнение в безусловности объединительного согласия. С помощью самых разных, в том числе и репрессивных мер, все массовые и политические движения, в том числе и европейские социал-демократические, принуждаются к соблюдению идеологических рамок. Это принуждение оказывается процессом, которым жестко управляет власть, а сама категория принуждения приобретает онтологический смысл. Европейская социал-демократия была принуждена вписаться в жесткие рамки политического дискурса, и У. Липман конечно позитивно относится к этому явлению. Вся западная политическая практика XX в. говорит о том, что рамки идеологии, очерченной У. Липманом, оказались слишком тесными, поэтому появлялись и появляются новые политические движения, которые постоянно ставят их под сомнение.

К вопросу о специфике академической (профессиональной) философии

Сказанного выше достаточно, мы полагаем, чтобы поставить вопрос о том, что публичная философия как явление объективное существует независимо от того, как оно до сих пор обозначалось. В статье «О назначении философии» А.А. Гусейнов подчеркивает наличие проблемы перевода профессиональной философии на естественный, общедоступный язык. «Признавая законность требований читательской публики, желающей видеть философские тексты общедоступными, и высоко ценя стремление философов приблизить свой язык к естественному, следует отметить, что между ними всегда остается зазор, который нельзя преодолеть без специальных усилий. Что представляет собой “переходник”, позволяющий переводить тексты с одного языка на другой и может ли это делать один и тот же человек — особый вопрос»¹⁰.

Введение понятия *публичная философия* позволяет дать более ясное понимание сути этого «переходника» между профессиональной философией и различными политическими группами, которые обращаются к текстам профессиональной философии в поисках ответов на волнующие их вопросы. Но сначала о назначении философии. Присутствие профессиональной философии в своем содержательном

смысле как текстов в культуре общества абсолютно необходимо и жизненно важно для существования общества. Самая важная черта профессиональной философии — это плюрализм философских систем, несводимость их в прошлом, настоящем и, видимо, в будущем к единой системе. «Идея принципиальной множественности философии имеет фундаментальное значение и задает новую основу для понимания как самой философии, так и всего процесса ее исторического развития»¹¹.

Особая потребность в новых философских системах появляется в условиях длительного общественного кризиса, распада существующих социальных и моральных устоев жизни, нарастающих в обществе противоречий между реальностями жизни и настоятельными стремлениями общества найти новые цели и направления развития, новые жизненные смыслы. Философия стремится создать идеальный духовный универсум, представляющий собой определенный эτικο-политический проект совершенного устройства общества и совершенного человека. Создание такой особого рода философской утопии есть способ существования самой философии в истории общества и культуры. Каждая из таких создаваемых философских систем носит авторский характер, и ее автор твердо уверен в том, что он смог выразить некоторую абсолютную истину, которая до сих пор оставалась невыявленной. Без такой уверенности ни один выдающийся философ не смог бы десятилетиями заниматься созиданием своей системы. Основой такого рода *философского* утопического проекта выступает метафизика, обращение к первоосновам, к всеобщему. Каждая отдельная философская система, будучи сложнейшим теоретическим образованием, представляет собой некоторую двуединую целостность. Название последнего XXIII Всемирного философского конгресса (Афины, август 2013 г.) точно отразило эту ее особенность: «Философия как исследование и как образ жизни».

В докладе на заседании Ученого Совета Института философии РАН В.А. Подорога заметил, что возвращение философии к самой себе, к метафизике оснований, «как ни странно, смыкается с политикой, но такой политикой, которая понимается не как коллективистская идеологическая акция... а как индивидуальное дело, возвращение к метафизике через свободу выбора, который интерпретируется как политический выбор»¹². Политика есть условие и способ существования любого социума. Выступая в дискуссии по докладу В.А. Подороги А.А. Гусейнов подчеркнул, что «философия, оставаясь философией и в качестве философии, своим способом мысли должна быть политикой. Мы не можем отдавать политику парламентским демагогам и циничным политтехнологам»¹³. В философской системе обращение к метафизике не самоцель, оно служит, в конечном счете, обоснованию эτικο-политического проекта.

Примерно до начала XIX в. затор между профессиональным языком философии и естественным языком публичного общения был настолько велик, что конкретные вопросы практического применения умопостигаемого философского знания фактически не возникали, хотя это знание, безусловно, оказывало большое влияние на характер решения актуальных проблем — политических, социальных, духовных.

С появлением философии К. Маркса в обществе создается принципиально иная ситуация. К. Маркс впервые сформулировал идею практической реализации философского знания: «Философы различным образом пытались объяснить мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его»¹⁴. По мере того, как учение К. Маркса получает все более широкое распространение, среди рабочего класса и образованных кругов общества начинаются попытки его практического применения. В ходе классовой борьбы возникает новое по качеству философское знание, которое сегодня можно назвать публичной философией. Складывается ситуация, аналогичная той, которую описывает У. Липман, но наполненная прямо противоположными смыслами в сравнении с его представлениями.

В ответ на потребности практической борьбы философия К. Маркса, которая при жизни ее автора постоянно развивалась и обогащалась новым содержанием, также порождает свое иное бытие в виде публичной философии, начинающей выполнять важные идеологические функции. Это различие весьма своеобразно проявляет себя в истории философской мысли в советский период, когда возникает и получает широкое распространение марксистско-ленинская философия.

Сегодня в российском обществе сложилась такая ситуация, когда создание по-настоящему публичной философии становится безусловной необходимостью. В обществе отсутствует общенациональное согласие по поводу того, в каком направлении должно идти дальнейшее развитие российского государства, какой представляется судьба российской цивилизации, каковы важнейшие ценности, определяющие смысл жизни российского человека. Речь идет об определении неких философско-политических границ, в пределах которых деятельность различных политических сил носила бы легитимный и одновременно конструктивный характер. Напрямую выполнить эту задачу академической философии не под силу. С публичной деятельностью большого числа политически активных движений и групп академическую философию должен соединить «переходник» — философия публичная.

Достаточно указать на существующие *в стране* конкретные и непримиримые идейные позиции *сегодняшних* политических сил, каждая из которых опирается на сконструированное ею *отношение к государству и власти* (мировоззрение), чтобы убедиться в безусловной

необходимости достижения с помощью публичной философии общенационального согласия.

В философии и научной литературе выделяют следующие точки зрения, получившие широкое распространение в российском обществе: 1) либерально-западническая, или радикальный либерализм, согласно которому Россия может сохраниться в будущем, только если станет частью западной цивилизации и сменит цивилизационный код; 2) русский этнический национализм, основу которого составляет противопоставление Руси и России; 3) различные сепаратистские движения, направленные на превращение России, в лучшем случае, в слабую конфедерацию; 4) точка зрения коммунистов, которые видят спасение Отечества в возрождении советского строя и возвращении его на путь социализма; 5) общественные и партийные движения, выступающие за возвращение страны к имперскому, православно-монархическому *строю* жизни; 6) имперская позиция А. Проханова и созданного им Изборского клуба, предполагающая создание так называемой, пятой российской империи и необходимость исторического примирения белых и красных; 7) идеология российского (*либерального*) консерватизма правящей партии «Единая Россия»¹⁵.

Указанные точки зрения или абсолютно не совместимы, или совмещаются только по некоторым аспектам. Одним словом, мы имеем дело с самым настоящим идеологическим, политическим и психологическим тупиком, из которого нет прямого выхода. Каждая политическая сила убеждена в том, что ее позиция — единственно правильная, и она обещает решение всех назревших и перезревших *в стране* проблем. Об этом свидетельствует вся их практика политической борьбы — от политических текстов до лозунгов и баннеров.

Можно сказать, что достижение согласия между политическими силами является важной задачей профессиональной философии. Но ее решение окажется на деле созданием еще одной, уже самой современной философской системы, тем более что ее нельзя создать по заказу, даже срочному, а тем более поручить выполнение заказа одному или группе опытных профессиональных философов. Такая задача может быть поставлена перед профессиональным сообществом философов или, точнее говоря, она осознается как задача всем профессиональным сообществом или его значительной частью именно по причине того, что имеет место огромный идейно-духовный кризис в стране и в мире. И фактически такие попытки уже предпринимаются. Но вся история философии свидетельствует о том, что появление новых философских систем не решает практических задач, стоящих перед обществом. В лучшем случае они обосновывают, каждая по-своему, необходимость смены вектора, направленности исторического процесса. А для решения практических задач и нужно создавать

некий паллиатив в виде публичной философии как общей идеологии практической деятельности. Если в современном Китае идет процесс соединения марксизма с конфуцианством, то в России достаточной популярностью пользуется сегодня идея синтеза марксизма с православием. Интересный процесс наблюдается и в рамках официальной идеологии, которая пытается соединить либеральные и консервативные (импероподобные) идеи. Философия как духовный центр выступает в обществе как некое объединительное начало, стягивая вокруг себя все идущие в обществе дискуссии, она в принципе способна, *если не выработать такое знание, то, по крайней мере, предложить дискурс*, который сможет помочь преодолению кризисной ситуации, позволит решать проблемы кризиса в пределах как государственных границ, так и на мировом уровне. Напомню, идеология У. Липмана однозначно связана с базовыми характеристиками западной цивилизации. Следовательно, применительно к российскому обществу можно ставить вопрос о том, что публичная философия по своему содержанию тоже должна быть как-то связана с цивилизационными характеристиками российского общества, если, конечно, мы признаем существование российской цивилизации как особой цивилизации.

Философия в публичном пространстве как публичная философия

«Вторжение» профессиональных философов в сферу публичных дискуссий предполагает, что такой философ способен к выполнению весьма сложной работы по соединению академических поисков и достижений с поисками оптимального вектора развития страны через постоянные дискуссии с различными политическими силами. Проведение такого рода публичных дискуссий отнюдь не простая задача, установление коммуникативных связей в нынешнем российском обществе встречает огромные трудности. В этом смысле можно говорить о необходимости диагностирования и лечения в сфере общественной коммуникации общественных патологий, которые Ю. Хабермас понимал как формы «систематически нарушаемой коммуникации». Для лечения отечественных патологий важен именно диагноз, указание причин разрушения коммуникаций в публичной сфере политики *и за ее пределами*.

В стране есть немало блестящих, талантливых философов. Публичный философ — это такой профессионально подготовленный философ, который отважится вступить в постоянный публичный дискурс и будет искать компромисс в ходе обсуждения весьма острых политических проблем. Но при работе с «публикой» нужны не просто доводы логического характера. Как свидетельствует исторический опыт, на нее могут произвести сильное впечатление, поразить ее воображение лишь те, кого называют властителями дум. Таких

властителей дум нет или почти нет сегодня ни среди философов, ни среди писателей, художественной интеллигенции. На эту особенность современной интеллектуальной жизни в Германии обратил внимание Н.С. Плотников¹⁶. Причин здесь несколько. Это наличие огромной информационной лавины, которая обрушивается ежедневно и ежечасно на головы миллионов людей, когда кумиры создаются исключительно посредством СМИ, и как они быстро надуваются, так и быстро исчезают и уходят в небытие. Другая причина — определенная политика власти, особенно по отношению к СМИ, куда не допускаются деятели, способные действительно стать властителями дум. И, наконец, общая атмосфера культуры постмодернистской эпохи, когда в ней отрицается всякая потребность в объединяющей людей идентичности, когда всячески воспевается и возводится в культ идея различия. Если к микроскопическим различиям нужно относиться как к величайшим ценностям, то достижение национального согласия, которое во все времена вынуждало чем-то поступиться все политические силы, рассматривается как недопустимое проявление репрессивного отношения к людям, к их свободе самовыражения.

К. Маркс был профессиональным философом. Но вместе с тем он был и философом публичным. Он вел постоянный диалог-борьбу с самыми различными политическими течениями и движениями. Создал ли Маркс публичную философию? Думаю, да, если говорить о ней как об общественно значимом явлении. Не случайно постоянное различие между Марксом-идеологом и Марксом-философом, хотя со времен Античности, с момента зарождения философии факт постоянного контакта профессиональных философов с публикой всегда имел место, и античные философы и в те времена сами нередко занимались переводом философских суждений на естественный, повседневный язык. *Но здесь, скорее всего, должна идти речь о возникновении практической философии, во все последующие времена «пытавшейся объяснить и дать рекомендации к решению конкретных жизненных вопросов»¹⁷. Эта традиция, названная традицией «сверхдетерминации политики философией»¹⁸, превращает политическое, политическую сферу жизни в неполитическое по своей природе явление. Публичная философия имеет свою особую природу.*

Действительно, в разрыве между профессиональной философией и многочисленными политическими практиками формируется поле применения особого рода публичной философии, «заточенной», как говорят сегодня, на постоянное ведение дискуссий между всеми участвующими в ней политическими субъектами. Дискуссии могут и не складываться, поскольку возникает проблема: как быть с теми, кто не желает идти ни на какие публичные обсуждения и тем более на компромиссы.

Сложность выявления границ и перспектив публичной философии в современной России состоит в том, что политическая система в

стране строилась по иным лекалам, чем в Европе. Вплоть до последнего времени общество было фактически поглощено государством, властно-управленческими структурами, публичное пространство возникало и развивалось главным образом за пределами политической сферы. И сегодня властная политика вновь идет скорее не по пути диалога, а по пути перевода решений реальных политических проблем на административные рельсы, и по этой причине постоянно пересматриваются законы, регулирующие публичную политическую сферу, границы дозволенного в политике.

Публичная философия может выступить сегодня в конкретной ситуации как особого рода, сложное по своей сути, идеологическое построение, которое содержит в себе характеристику основных черт российской цивилизации. Скорее всего, цивилизационное начало является в разработке объединительной идеологии первичным по отношению к конкретным формам государства. И это дает основания говорить о возможности достижения национального согласия в стране. По выражению В.М. Межуева, необходимо стремиться не стать частью европейской цивилизации, а совместно строить общечеловеческую цивилизацию, способную объединить человечество в планетарном масштабе⁹. Добавлю, что нужно знать свою специфику, свои цивилизационные основы, чтобы принимать участие в этом строительстве, а отечественная мысль никак не может «договориться» о том, каковы эти цивилизационные основы российского общества.

Постановка вопроса о существовании публичной философии имеет еще и другую сторону, которая связана с преподаванием философии. Что касается преподавания, то здесь всегда есть стремление создать некоторую единую систему философского знания. Иначе, как вести занятия и оценивать уровень знаний студентов, как вообще обсуждать вопросы преподавания, в том числе и методические вопросы.

Такое же требование к философии предъявляют и сами слушатели. Они хотят получать ответы на волнующие их вопросы. А им предлагают рассматривать разные философские точки зрения и выбрать ту, которая им больше нравится, отвечает их ожиданиям и представлениям. Это явление опасное, оно противоречит самим целям образования.

Философию для неспециалистов можно назвать особой формой публичной философии. Ее назначение также состоит в том, чтобы давать учащимся и всем читателям понятные ответы на реальные вопросы, которые стоят перед ними. Поэтому создание целостной системы философского знания есть, помимо всего прочего, и особое искусство, оно заключается в том, чтобы выбрать из огромного объема знания, накопленного академической профессиональной философией, ту философскую основу, которую следует взять для грамотного и правильного создания этой системы.

Публичная философия и философия академическая – это как бы две стороны одной медали. Академическая философия – предмет занятий профессионального сообщества. Развитие и эффективность публичной философии в определяющей степени зависят от того, что может предложить сегодня академическая, профессиональная философия. Без ее новых выдающихся достижений, без расширения границ человеческой свободы, без обретения человеком все более сложных смысложизненных ценностей, человечество рано или поздно обречено на вырождение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. статьи, опубликованные в журнале Института философии РАН (Философский журнал. 2012. № 2): *Межуев В.М.* Кому и зачем нужна сегодня философия? С. 5 – 16; *Федорова М.М.* Философия и политика. С. 17 – 26; *Кара-Мурза А.А.* Как идеи превращаются в идеологии: российский контекст. С. 27 – 44).

² *Буравой М.* За публичную социологию // *Общественная роль социологии* / под ред. П. Романова и Е. Ярской-Смирновой. – М., 2008. С. 8.

³ Там же. С. 21.

⁴ Один из участников дискуссии А. Алексеев подчеркнул, что «постановка вопроса о публичной социологии представляется весьма актуальной и своевременной для российской социальной науки» (там же. С. 60).

⁵ *Аккерманн Ф., Аккерманн Я., Литтке А., Ниссер Ж., Томанн Ю.* Прикладная история или публичное измерение прошлого // *Неприкосновенный запас*. 2012. № 3 (83). С. 234.

⁶ Там же. С. 242.

⁷ Там же.

⁸ *Липман У.* Публичная философия. – М., 2004. С. 90.

⁹ Там же. С. 93.

¹⁰ *Гусейнов А.А.* О назначении философии // *Философия и история философии*. К 90-летию акад. Т.И. Ойзермана. – М.: 2005. С. 94.

¹¹ Там же. С. 96.

¹² *Подорога В.А.* О чем спрашивают, когда спрашивают «Что такое философия» // *Философский журнал*. 2009. № 1 (2). С. 10.

¹³ *Гусейнов А.А.* Выступление в дискуссии // *Философский журнал*. 2009. № 1 (2). С. 17.

¹⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 4.

¹⁵ *Шевченко В.Н.* Российское государство: современные дискуссии в науке и за ее пределами // *Философские науки*. 2013. № 7. С. 5 – 22.

¹⁶ «Сама фигура глобально мыслящего интеллектуала сходит на нет, она становится все более приземленной. Сегодня публичный интеллектуал – это скорее именно профессионал, обсуждающий в публичном пространстве какие-то конкретные проблемы, но не готовый или не намеренный транслировать в это пространство некое мировоззрение» (*Плотников Н.С.* Реконфигурация публичного пространства // *Русский журнал*. 27. 10. 2011. – URL: http://www.perspektivy.info/misl/cenn/rekonfiguracija_publichnogo_prostranstva_2011-11-25.htm).

¹⁷ Алексеева Т.А. Некоторые соображения о предметной области политологических дисциплин // Философия политики и права / сб. научных работ. Вып.2. / под общей ред. Е.Н. Мошелкова. – М., 2011. С. 123.

¹⁸ Федорова М.М. Философия и политика. С. 20.

¹⁹ См.: Межуев В.М. История, цивилизация, культура. Опыт философского истолкования. – СПб., 2011. С. 385.

Аннотация

В статье раскрывается роль публичной философии в обществе как медиатора, посредствующего звена между академической, профессиональной философией и идеологическими позициями различных политических движений и партий. Подчеркивается рост значимости публичной философии в современной России для достижения общенационального согласия по вопросам государственного устройства, для нахождения вектора дальнейшего развития России.

Ключевые слова: публика, публичная философия, публичное пространство, академическая философия, назначение философии, политические движения, национальное согласие.

Summary

The article shows how the public philosophy plays its part in the society as a mediator between academic philosophy and ideological positions of different political movements and parties. The author emphasizes the importance of public philosophy in modern Russia for the gaining of national consensus concerning the key questions of the state and the trend of development of Russia.

Keywords: public, public philosophy, public space, academic philosophy, ideology, philosophy's purpose, political movements, national consensus.